

Никита Светлаков

A dramatic scene from a cave looking out at a massive glowing sphere of light with a vertical crack, silhouetted by a man and a woman.

**ОСКОЛКИ ТВОРЦА
СВАЛКА МИРОВ**

Осколки Творца

Никита Светлаков

Осколки Творца. Свалка миров

«Автор»

2026

Светлаков Н.

Осколки Творца. Свалка миров / Н. Светлаков — «Автор»,
2026 — (Осколки Творца)

Машина времени штука хрупкая. Особенно если ломать её в процессе использования. Вместо возвращения домой — падение в гравитационный отстойник вселенной. Место, которое местные называют просто: «Свалка». Здесь обломки цивилизаций срастаются в единый подземный организм, где рейховские патрули соседствуют с советскими блокпостами, а законы физики работают по принципу «кто сильнее». Артем и Аня выжили. Но цена оказалась выше, чем они предполагали. Их сила привлекает внимание всех: от местных союзников, готовых видеть в них спасителей, до бессмертного Разина, который готов сжечь этот мир дотла, лишь бы найти выход. Но правда о Свалке страшнее любой лжи. Иногда выход находится там, куда страшно смотреть. А цена возвращения может оказаться выше, чем жизнь целого мира. Вторая книга трилогии «Осколки Творца». История о том, как выбраться из клетки, когда ключом становишься ты сам.

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Точка сброса	7
Глава 2. Дикая Свалка	11
Глава 3. Блокпост	24
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Никита Светлаков

Осколки Творца. Свалка миров

Пролог

Тьма ударила в лицо, как ледяной кулак. Потом пришла боль. Не физическая. Не та, что рвёт плоть или ломает кости. Нет. Это была боль исчезновения — будто сама реальность отказалась от него, как от ошибки в уравнении.

Григорий Разин открыл глаза.

Свет был слабым — мерцающая аварийная лампа где-то высоко над головой. Воздух спёртый, тяжёлый, пах пылью, ржавчиной и горелой изоляцией. Он лежал под обломками: балки, арматура, искрящие провода. Один из них воткнулся в плечо, обжёг кожу — и застрял. Разин не кричал. Даже не застонал. Просто сжал зубы и медленно, с предельной осторожностью, начал вытаскивать из себя раскалённый металл.

Боль вернулась — на этот раз нормальная, земная. Хорошая.

«Выжил... — подумал он. — Значит, не рухнул в *небытие*».

По расчётам, всё должно было исчезнуть. Взорваться в вакууме между мирами, раствориться в первичной пустоте, где нет ни времени, ни пространства, ни даже памяти о том, что ты существовал. Машина времени не была предназначена для такого прыжка. Она — инструмент, а не лопата, чтобы черпать реальность из её колодца.

Он опустил взгляд на грудь — и на мгновение облегчение ощутилось острее физической боли.

Амулет был на месте.

Тёплый, почти пульсирующий, вдавленный в кожу под рваной тканью рубашки. Серебристо-чёрный, как затвердевшая тень, с прожилками, похожими на замерзшие молнии.

Разин провёл пальцем по его поверхности — и в памяти вспыхнули сосны, мох, холодное дыхание карельской земли.

Он нашёл его в 1943 году, в развороченном бомбёжкой кургане под Петрозаводском. Тогда он ещё не был Разиным — его звали Эрих, и он копал не ради знаний, а по приказу: «искать артефакты древней силы». Но именно тогда, в сырой яме, среди обугленных костей и обломков бронзы, он коснулся этого камня — и почувствовал, как что-то просыпается внутри самого себя.

Годы шли. Он учился не использовать амулет — а слушать его.

Он не впрыскивал в него Силу, как в резервуар. Он выращивал её в нём — медленно, терпеливо, как корень в вечной мерзлоте. Каждая капля Силы, пропущенная через плоть, через страх, через боль, оставляла в амулете свой след. Со временем предмет перестал быть вещью — стал продолжением Разина.

Он создал его не как оружие. Не как талисман.

А как спасательную капсулу — одноразовый прыжок сквозь трещины реальности. Не туда, где хочешь, а туда, где ещё можешь выжить.

Впервые амулет сработал в 1986-м.

Разин знал. Он знал, что реактор пойдёт в разнос. Знал — потому что уже пережил это десятки раз в расчётах, в симуляциях, в снах, где видел, как плоть тает от радиации, как время рвётся, как сам он превращается в пепел. И за минуту до удара, когда все инженеры ещё спорили о параметрах, он стоял у блока один, вжимая амулет в грудь — не как украшение, а как последнюю надежду.

Амулет оценивал угрозу самостоятельно. И в тот миг, когда гибель стала неизбежной, он вырвал Разина из реальности — туда, где вероятность выживания сохранялась. С тех пор Разин носил его при себе — как страховку против самого себя. Он умел умирать. Но стремился остаться. А амулет... амулет давал ему право на ошибку.

Разин поднялся. Спина хрустнула, лёгкие горели. Но Сила — та, что питала его триста лет, ту, что он воровал, выращивал, выкачивал из других — не исчезла. Она пульсировала в венах, хоть и слабее обычного. Словно и она пережила шок.

Он внимательно осмотрел помещение. Туннель в метро. Точнее — его обрывок. Сто метров рельсов, вырезанных из какого-то мира и вшитых в эту... свалку.

С одной стороны — плитка 1930-х годов, выложенная в строгом геометрическом узоре. С другой — идеально ровный композитный настил, покрытый защитной плёнкой с нанесённым QR-кодом, явно из мира, где смартфоны были повседневностью. Между ними — стык. Не шов. Не трещина. А граница, где два куска реальности срослись на атомном уровне. Провода, торчащие из стены, начинались как скрученная медь в тканевой изоляции — и внезапно переходили в оптоволокно в прозрачной оболочке.

Он присел, провёл пальцем по соединению. Никакого перепада. Никакого разрыва. Просто — два мира, сшитые вместе, будто это нормально.

«Невозможно...» — вырвалось у него шёпотом.

Он видел многое за свою долгую жизнь. Видел, как падали империи и поднимались новые боги. Видел, как Сила превращала людей в нечто большее — или в пустую оболочку. Но ничего подобного он не встречал. Ни в архивах Савельевых, ни в тайных лабораториях Фабиуса, ни даже в своих самых смелых теориях о структуре времени.

Это место... оно не должно существовать.

Он поднялся, пошёл вдоль туннеля. Босиком, в разорванной рубашке, с обожжёнными руками. Но с головой, полной вопросов — и планов.

Туннель вокруг него дышал чуждостью.

Сначала — грубая бетонная арматура, обшарпанная временем, с ржавыми заклёпками и облупившейся краской с надписью «ЗАПРЕЩЕНО ВХОДИТЬ — ЗОНА ГАММА». Потом, без перехода, без шва — кирпич. Старинный, обожжённый, с глубокими следами пуль и сажи, будто стена пережила штурм 1945 года. А на высоте человеческого роста — провода, но не медные, а прозрачные, наполненные голубой плазмой, пульсирующей в такт невидимому сердцу.

Он остановился, прислушался.

Из-за угла донёсся звук шагов. Чёткий. Военизированный. И голос — на чистом немецком, с акцентом времён Третьего рейха, но с лексикой, обогащённой словами вроде «Koordinatenstörung» и «Realitätsbruch».

Разин не стал прятаться. Он вышел на свет.

— Guten Tag, — сказал он спокойно, на идеальном верхненемецком, с лёгким берлинским акцентом, выученным ещё в 1944 году. — Я — доктор Хартманн. Из Берлина. Моя лаборатория... взорвалась при переходе.

Солдаты переглянулись. Один потянулся к рации.

Взгляд Разина — уставший, но пронзительный — встретился с глазами командира.

Тот замер. Потом кивнул.

— Kommen Sie herein, Doktor, — сказал он. — Обергруппенфюрер вас ждёт.

Разин улыбнулся.

Где бы он ни был — игра начиналась заново.

Глава 1. Точка сброса

Дверь серверной захлопнулась перед самым носом Климова. Тяжёлый металл глухо лязнул, отрезая его от зала. На панели вспыхнул красный индикатор: «ГЕРМЕТИЗАЦИЯ».

— Три минуты! — успел крикнуть он сквозь толщу стены. Интонация прозвучала приглушённо, будто из-под воды. — Задержите их в зале! Вступите в контакт! При огне — на пол!

Тишина вернулась мгновенно. Мы остались одни. Я тут же накинул тяжёлый засов на входной двери.

Оценил массивную створку — старая сталь, литая, толстая. При отсутствии направленных зарядов, придётся резать. Автогеном, плазмой — это минимум десять минут работы. У Климова — три. При удаче, они упрутся в замок и начнут возиться. Этого хватило бы.

Воздух в помещении стал плотным, почти осязаемым. Аня медленно опустилась на корточки у стены. Я встал у двери. Позиция — сбоку. Исключая линию первого выстрела. Прошла минута. Потом — вторая. И вдруг — тишина оборвалась.

На поверхности двери возникла чёрная сфера. Монолит. Гладкий, как капля чернил в воде. Он расширялся рывками, поглощая металл, будто тот был воском. Через несколько секунд на месте створки остался идеально ровный круглый проход.

Из него вышли семь солдат.

Костюмы — облегчённые, лишённые экзоскелетов, но с бронированными вставками; на плечах — чёрные свастики, шлемы — гибрид старинной немецкой каски и современного противогаза с тусклыми линзами, заменяющих стёкла.

Пятеро солдат мгновенно взяли нас на прицел. Их позы были выверены: один — в укрытии за искорёженной колонной машины времени, двое — по флангам, ещё двое — в углах, чтобы отсечь любую попытку отступить.

Аня замерла. Я — тоже. Мы знали: любое движение — смерть.

— *Они отсекли нас,* — мысленно произнесла Аня.

Я кивнул. Климов был за стеной, в серверной. Связь глушили помехи Свалки. Теперь мы — просто живая приманка.

Отступать — значит упереться спиной в стену с обломками машины времени. А за ней — только пустота. Выход отсутствовал. Даже при броске — нас настигли бы за три шага.

— *Сохраняем неподвижность,* — беззвучно произнес я. — *Тянем время.*

— *А если они откроют огонь?* — мысль Ани пришла с напряжением, словно стоишь у высоковольтной линии.

— *Тогда будем реагировать. Позже. В ответ.*

Мы стояли. Молчали. Ждали.

Солдаты приближались. Уже метр. Уже полметра.

На нас направили устройство, напоминало детектор радиации, но с дисплеем на корпусе. Прибор издал ряд мелодичных звуков, после чего солдаты опустили оружие. Похоже, местный сканер посчитал нас безопасными.

Вперёд вышел командир. Снял шлем.

— *Wer sind Sie?* — спросил он, изучая нас.

Я сделал шаг вперёд. Поднял руки. Ладони открыты.

— Мы заблудились, — сказал я по-русски. Специально. Язык чужой. Им потребуется время на перевод. На оценку.

Командир замер. Он ожидал сопротивления. Или бегства. А получил — вопрос.

— *Russisch?* — переспросил он. В интонации — любопытство.

Он обернулся к солдатам. Кивнул. Оружие опустилось чуть ниже.

План сработал. Они слушают.

— Лаборатория... взорвалась, — продолжил я, тянув время. — Мы ищем выход.

Командир кивнул солдату с рацией. Тот начал передачу.

Секунды текли. Каждая — как подарок.

— *Ждём*, — мысленно сказал я Ане. — *Они заняты докладом.*

— *Долго ещё?* — её мысль звучала напряжённо.

— *Пока они решают, что с нами делать — у нас есть время.*

— Willkommen, Zeitreisende... — усмехнулся командир, будто шутил.

Его взгляд скользнул по Ане.

— Das Schicksal brachte uns ein gutes Mädchen, — сказал он мягко, почти ласково.

Аня замерла. Потом — вздрогнула, будто её ударило током.

— Mädchen... — Слово повисло в воздухе, тяжёлое, как удар. — Мне бабушка рассказывала, как такой же убудок, как ты, показывал на неё пальцем и говорил: «gutes Mädchen».

Она шагнула вперёд. Уголки губ дёрнулись. Лицо исказила ярость, от которой воздух вокруг стал плотным. Офицер резко втянул воздух — и не смог выдохнуть. Его лицо начало наливаться багровым, пальцы судорожно вцепились в горло, будто он пытался разорвать собственную трахею.

Солдаты мгновенно отреагировали.

Один из них — тот, что стоял за спиной Ани — молча взмахнул прикладом. Удар был рассчитан на выключение: прямо в голову, с такой силой, что любой человек терял сознание.

Второй уже перехватывал винтовку, готовясь открыть огонь, если первый не справится.

В голове пронеслось: *покажем Силу — станем оружием. Климов увидит угрозу. Второй попытки не будет.*

Но в то же мгновение я почувствовал, как из глубины груди поднимается жар — и «рубящее лезвие» уже рвётся из ладони, чистое, острое, как лезвие гильотины. Осталось лишь движение — и приклад упадёт вместе с обрубленными пальцами.

Но не понадобилось.

С гулом открылась дверь серверной. Из неё, один за другим, стали выходить роботы.

Они не стали ждать команды. Не стали визуально идентифицировать угрозу. Системы распознавания зафиксировали агрессивное движение — и сработали протоколы.

Первый залп прозвучал почти бесшумно: импульсные лучи вспыхнули, как вспышки от сварки, и ушли в тела трёх солдат. Те упали без крика. Вторая волна ударила по остальным: энергетические разряды, плотные, словно раскалённые иглы, пронзили шеи и грудные клетки.

Нацисты попытались ответить — один выстрелил, второй потянулся к гранате, — но роботы уже были в движении. Один из них — почти беззвучно — схватил стрелявшего за горло и сдавил. Шея хрустнула, будто сухая ветка. Второй робот перехватил руку с гранатой и переломил её в локте. Потом — в запястье. Третий — просто шагнул вперёд и нанёс удар в солнечное сплетение. Солдат рухнул на колени, захрипел и замер.

Всё заняло меньше восьми секунд.

Воцарилась тишина. Аня всё ещё дрожала от подавленной ярости, но воздух вокруг неё разрежился. Я стоял рядом, чувствуя, как «лезвие» внутри меня медленно затухает, не найдя выхода.

Климов вышел из-за роботов — спокойный, почти удовлетворённый. Окинул взглядом трупы, потом — нас.

— Спасибо, что выиграла время, — бросил коротко.

— Мы почти ничего не сделали, — сказал я.

— Выстояли. Этого достаточно.

Вопросы отсутствовали. Удивление тоже. Он принял факт: перед ним выжившие, и он их спас.

— Пришлось научиться выживать, — сказал я, чувствуя потребность в объяснении.

Аня шагнула вперёд.

— Важнее другое. Куда мы попали?

Климов усмехнулся — с грустной иронией человека, повидавшего многое.

— Строго говоря, вы ещё никуда не попали. Вы стоите в своей лаборатории. Но вот помещение, в котором находилась ваша установка, уже выбито из вашей реальности и присоединено к нашему миру.

Он сделал паузу и жестом охватил пространство вокруг:

— Если несколько тысяч помещений и проходов под землёй можно назвать миром.

Он поднёс запястье к лицу, сделал несколько переключений — и на его руке вспыхнула голограмма.

Климов вышел на середину комнаты. Четыре робота мгновенно заняли позиции по углам помещения. Ещё четыре вернулись в серверную и также встали по углам. Через минуту лейтенант вернулся к нам, и его пульт на запястье развернул перед нами полупрозрачную карту.

— Вот тут мы, — указал он на три синие точки. — Эта карта известного нам мира. Разведчики вроде меня постоянно её обновляют: с каждым циклом добавляются новые проходы и помещения.

Он уменьшил масштаб. Карта превратилась в гигантский муравейник — запутанный, хаотичный, но с чёткой внутренней логикой. Из всей россыпи лабораторий и складов выделялись пять огромных помещений.

— По примерным подсчётам, известный нам мир достигает в диаметре шестидесяти километров. Некоторые называют его Великой Свалкой, другие — Обителью путешественников во времени. В чём-то они правы. Но наука, которой я придерживаюсь, называет это место Внепространственным хранилищем.

Он посмотрел на нас — и впервые в его голосе прозвучало уважение к тем, кто нарушил законы реальности.

— Сюда попадают те, кто нарушает правила путешествий в пространстве и времени. У вас, как я понимаю, повредили установку после того, как она пробила прото-слой. Далее вы оказались здесь.

Мы молчали. Даже для нас, переживших мутантов, штурмовиков и предательство Разина, это звучало как приговор.

— Отсюда можно выбраться? — спросил я, хотя уже чувствовал ответ.

Климов медленно покачал головой.

— Никто не знает, где находится Свалка. Ни в пространстве, ни во времени. Геологоразведка показывает вокруг сплошной камень. Мы здесь не сутки, не годы — десятилетия. И за всё это время никто не нашёл выхода. Только... прибытие.

— Прибытие?

— Раз в неделю — Приём. Новые фрагменты падают сюда, как сухие листья с высохшего дерева. Иногда — лаборатории. Иногда — целые подземные города. Другой раз — боевая база из будущего, где ИИ до сих пор шепчет приказы пустым коридорам.

Он посмотрел на нас — не с жалостью, а с осторожным интересом, как на явление, которое ещё не классифицировано.

— Мы не собираемся оставаться, — сказал я. — Даже если выход — миф.

Климов молча смотрел на нас. Не с недоверием, а с той ясностью, что приходит только после десятилетий, проведённых в месте, где надежда — не крылья, а груз.

— Светлый — наша столица, — сказал он наконец, тоном констатируя факт. — Там есть учёные. Больше чем выжившие. Те, кто пытается понять устройство мира. Если цель — понимание причин — идите туда.

Климов заметил движение робота. Щелчок шарнира прозвучал как выстрел в тишине.

— Всё, экскурсия окончена, — он смахнул голограмму запястьем. — Вывожу вас в Техноград.

Лейтенант развернулся к выходу, на ходу проверяя защёлки разгрузки.

— Это производственный узел Союза. Два часа ходу, если не соваться в отстойники. Оттуда до Светлого — рукой подать.

Он остановился, обернулся к нам. В его взгляде не было ни жалости, ни лишней доброты — только расчёт.

— Под моим прикрытием — доведу. Без меня — шансов ноль.

— Зачем? — голос Ани прозвучал тихо, но в гулком проёме двери каждое слово отдалось эхом. — Зачем ты помогаешь?

Климов не ответил сразу. Он посмотрел на трупы нацистов, потом на нас, поправил ремень автомата.

— Нам нужны люди, способные держать удар. Не туристы.

Он сделал шаг ближе, и его голос стал жёстче, превращаясь в приказ:

— Условия следующие: Держимся центра пути. Руки при себе. Из строя не выходить.

Запомните: в Дикой Свалке ошибка стоит жизни. Здесь не прощают оступившихся.

— Прорвёмся, — сказал я.

Климов кивнул — коротко, по-деловому.

— Надеюсь. В путь.

Глава 2. Дикая Свалка

Используя пульт на запястье, Климов собрал роботов вокруг себя. Они подчинялись без единого звука — не скрипели шарниры, не жужжали моторы. Просто встали, как по команде, и замерли неподвижными статуями.

Пока лейтенант возился с настройкой команд, я пригляделся к ближайшему роботу. Выглядел он проще, чем я ожидал: никаких бронированных панелей в стиле киберпанка, никаких вращающихся радаров или голографических дисплеев. На груди — четыре грубо выдвинутые защитные пластины, будто прикрученные в спешке. Головы как таковой не было — только продолговатая камера на подвижном шарнире, напоминающая объектив старого военного прицела. Руки и ноги соединялись множеством суставов, и в них чувствовалась не механическая точность, а почти органичная гибкость — будто машина училась двигаться у людей, а не наоборот.

— Это модификация для модульной сборки, — Климов заметил мой интерес, не отрываясь от пульта. — Жаль, сам модуль к нам не попал.

Он повернул пару переключателей, и машины мгновенно выстроились в колонну по два. Двигаться начали без команды, чётко, будто маршрут был вшит в них на уровне инстинкта.

— Идём за ними, — сказал лейтенант, сверившись с экраном. — Вперёд не лезьте. Маршрут проложен до ближайшего опорного пункта — и он самый безопасный из возможных.

Я поравнялся с ним:

— А что за модуль? Конвейер, который их собирает?

— Гораздо лучше конвейера, — усмехнулся лейтенант. — Это программно-адаптивный производственный комплекс. Может создавать что угодно — от гаечного ключа до боевого дрона, если есть ресурсы. С ним можно построить целый город... были бы материалы.

— Откуда такие технологии? — Аня шла чуть позади, голос звучал приглушённо в коридоре.

— Из вашего времени. Другая ветвь. — Климов не оборачивался. — Представьте: ноутбук с базой знаний XXI века и пара инженеров в 1910-м.

— Развитие ускорится в десятки раз.

— Верно. Но ваш мир это не изменит. Оно родит новый. А в вашем... вы просто потеряете ноутбук. И инженеров. А в новой реальности они становятся титанами технологий... или тиранами.

Аня шагнула вперёд:

— А если изменить что-то небольшое? Настолько, чтобы не разорвать реальность?

Лейтенант остановился. Посмотрел на неё — долго, пристально.

— Если не превысить планку Баргерра, пространство не расщепляется. Теоретически — да, можно вмешаться и вернуться в тот же мир. Только... — он перевёл взгляд на меня, — вы ведь именно это и пытались сделать, верно?

Я почувствовал, как Аня напряглась. Она промолчала. Я вспомнил лабораторию, Разина, его фразу: «Вы — мои батарейки для машины времени».

— Не мы хотели, — сказал я осторожно. — Другие хотели изменить прошлое. И мы были... побочным продуктом.

— Это второстепенно, — резко оборвала Аня, опасаясь излишних деталей. — Часто вам попадаются такие роботы?

— Редкость, — ответил Климов. — Удача — найти исправные. Большинство — мусор.

Мы двинулись вслед за машинами. Сначала всё казалось знакомым: бетонные стены, обрывки кабелей, следы пожара. Но чем дальше мы шли, тем сильнее пространство теряло логику.

Пол под ногами менялся так резко, будто сама реальность страдала амнезией. Гладкий полимер, тускло светящийся изнутри, сменялся потрескавшейся плиткой 1930-х, жёлтой, с геометрическим узором, местами выщербленной, будто под ней когда-то топтались сапоги охраны. А ещё через мгновение — деревянные доски, гнилые, пропахшие гарью и сыростью, с торчащими гвоздями, словно пол только что вырвали из сгоревшего дома.

— Здесь стена — из кирпича, — прошептала Аня, протягивая руку к поверхности, покрытой пулевыми отметинами и чёрной сажой. Её пальцы замерли у глубокой царапины, будто кто-то в отчаянии царапал стену ногтями. — А в двух шагах...

Она не договорила. Там, где кирпичная кладка обрывалась, начинался стеклоармированный пластик — гладкий, почти зеркальный, с вплетённой в него сеть тончайших светящихся нитей. Подсветка пульсировала — медленно, ритмично, как дыхание спящего существа.

— Здесь миры сшиты на живую нитку, — прошептала Аня, глядя на линию стыка: она не была прямой, а извивалась, будто шов на плохо заштопанной ране. Она обернулась. Дыхание сбилось, пальцы впились в ткань куртки — не от страха, а от изумления, граничащего с болезненным узнаванием. — Артём... смотри!

Она указала вбок. Из стены, будто проросшей из будущего, торчал металлический шкаф с экранами, на которых мелькали обрывки лиц — чужие, незнакомые, но все с одинаковым выражением ужаса. А рядом, в углублении, стоял старинный комод с бронзовыми ручками, на котором лежала детская кукла с вырванным глазом и потрёпанной лентой в волосах.

Они не просто стояли рядом. Они срастались. Дерево вросло в металл. Пластик оплетал кирпич. Время здесь не шло — оно ломалось, и осколки впились друг в друга, как осколки зеркал в чьём-то кошмаре.

— Это и есть Дикая Свалка, — произнёс Климов, не оборачиваясь, но голос его стал тише, будто он боялся разбудить что-то.

— Здесь времена и миры не просто пересекаются. Их сшивают насильно, как обрывки плоти после катастрофы.

Он наконец оглянулся. Лицо оставалось непроницаемым. Ни удивления, ни страха. Только покорность тому, что невозможно объяснить.

— Одно мгновение — ты в подzemке 1960-х, где эхо поёт гимн забытой страны. Следующее — в древнем бункере, где до сих пор капает вода из крана, который никто не открывал. А потом — в лаборатории будущего, где реальность держится на трёх проводах, молитве инженера и надежде, что утром ничего не исчезнет.

Свет стал редким. Только фонари роботов резали тьму, да где-то вдали мерцали странные пятна — как будто чужие солнца заглядывали в трещины между мирами.

По бокам зияли щели. Из некоторых доносился шёпот — не звук, а вибрация, будто само пространство стонало. В других — пульсировали грибы, покрытые липкой слизью, светящиеся в такт невидимому пульсу.

— Что там? — я кивнул на одну такую трещину.

— Лучше не знать, — ответил Климов, ускоряя шаг. — Некоторые проходы ведут в зоны, где карты бессильны. Где живут существа, которых нельзя видеть дважды. Где можно потерять самого себя...

Он не договорил.

Потому что Аня резко остановилась.

Я обернулся.

В разломе между стеной из мха и панелью с застывшими лицами на экранах — что-то стояло.

Оно не дышало. Не двигалось.

Но смотрело.

В нем не было взгляда — только голод.

Оно было похоже на человека, но... не до конца. Кожа — полупрозрачная, с прожилками, похожими на провода. Глаза — пустые, но вращались независимо друг от друга, как у ящерицы. Оно не двигалось. Просто смотрело — не на нас, а сквозь.

— Это что — ещё один мутант? — шепнул я.

— Нет, — ответил Климов, наконец обернувшись. — Это Эхо-тварь. Остаток сильной эмоции из другого мира. Кто-то там умер в ужасе... и его страх остался жить здесь, как эхо в пустой комнате. Они не нападают. Они воспроизводят. Если ты подойдёшь ближе — увидишь то, что видел он. Почувствуешь то, что чувствовал. А если вдохнёшь его воздух — можешь навсегда остаться в этом воспоминании.

Мы обошли трещину стороной.

Через десять шагов коридор перед нами сужался, будто пространство сжималось от боли. Стены сходились, оставляя проход шириной менее метра. И в этом узком горле — они.

Тела, спаянные не швами, а самой тканью реальности: половина — человек в обгоревшей форме учёного, с обугленными пальцами и стеклянными осколками вместо глаз; другая — существо из хитина и блестящей чешуи, с множеством суставов и пастью, полной игл. Но это были не два тела. Это было одно, извивающееся, дышащее сквозь десятки ртов, дрожащее от внутреннего конфликта — не между разумами, а между логиками существования.

— Это Сросшиеся, — тихо сказал Климов, прижимаясь к стене. — Иногда два мира врезаются друг в друга так, что их жители сливаются в одно. Ни тот, ни другой. Просто — боль и инстинкт. Они не враждебны... пока не почувствуют угрозу.

Коридор был почти полностью забит ими. Десятками таких существ, стоящих вплотную, как статуи в забытом храме. Некоторые медленно поворачивали головы. Другие просто стояли — но их кожа пульсировала, будто под ней билось несколько сердец.

Роботы прошли мимо без малейшего колебания. Их сенсоры, видимо, не регистрировали угрозы — или Сросшиеся их не воспринимали как живых.

Но едва мы ступили в узость, как воздух изменился.

Первый из Сросшихся — тот, что стоял ближе всех — медленно повернул голову. Его человеческий глаз, мутный и красный, зафиксировал Аню. Второй — чёрный, многосегментный, как у насекомого, — уставился на меня.

Потом руки — или то, что осталось от них — начали тянуться.

Не резко. Не агрессивно.

Просто... простёрлись, как корни, ища опору в чужой плоти.

— Не дышать, — прошипел Климов. — И не смотреть в глаза.

Мы двинулись вперёд, плечами задевая их тела. Кожа Сросшихся была тёплой — слишком тёплой — и липкой, как смола. От одного лишь прикосновения кожу прожёт холод, будто под неё вползало что-то чужое.

Аня задержала дыхание. Я чувствовал, как её локоть дрожит, когда она протискивалась мимо существа, у которого грудная клетка была заменена решёткой из костей, а из рта вместо языка свисал провод, искрящийся в такт пульсу.

В последний момент — когда Сросшийся резко втянул воздух и его челюсти щёлкнули в сантиметре от моей шеи — мы вырвались в соседнее помещение.

Перед нами открылся заброшенный ангар — или то, что когда-то им было. Стены из ржавого металла уходили вверх, теряясь в темноте, где вместо потолка висели обрывки кабелей и искорёженные балки. Пол усыпали обломки техники: разбитые дроны, скелеты кресел, груды пепла, похожие на останки костров. Воздух пах ржавчиной, гнилью и чем-то сладковатым — как разлагающаяся плоть после электрического разряда.

Роботы шли впереди, их шаги глухо отдавались в пространстве, словно они не нарушали тишину, а вытесняли её. Мы держались ближе к ним — не из доверия, а потому что их фонари оставались единственным источником света в полной тьме.

Но вдруг они остановились.

Одновременно. Без команды. Без предупреждения.

Ведущий робот резко повернул сферическую голову. Камера щёлкнула, фокусируясь. Включился прожектор — яркий, белый, почти хирургический луч разрезал мрак у левой стены.

В свете замерла тварь.

Размером с овчарку, на тонких суставчатых лапах, покрытая чёрным хитином с металлическим отливом. На спине, прямо между лопаток, вросла человеческая рука — мускулистая, с татуировкой в виде цифры «513», сжимающая обломок автомата. Пальцы шевелились. Целенаправленно, будто проверяли, заряжено ли оружие.

Существо уставилось на нас.

В движениях читалась холодная оценка угрозы, а не животный голод.

Шесть глаз с вертикальными зрачками медленно перебрали нас по одному. Остановились на Ане. Потом на мне. Потом — на Климове. Взгляд выражал чистый расчёт.

— Это Разведчик, — сказал Климов. — Он наблюдает. Скорее всего, от Грайзеров. Они посылают таких, чтобы оценить угрозу.

Он медленно поднял пульт. Палец завис над кнопкой — не той, что запускает атаку, а над кодом «барьер-Альфа».

— Готовьтесь, — прошептал он. — Он не уйдёт, пока не получит отпор.

И нажал.

Роботы среагировали мгновенно — как единый организм.

Сначала — звук. Короткий, чёткий щелчок реле активации, прошедший по всем корпусам одновременно. Механика сработала бесшумно. Из левых предплечий вырвались механические замки, и наружу хлынули упакованные пластины.

Из-под бронированных кожухов начали разворачиваться щиты.

Они распахивались рывками, словно крылья хищной птицы. Бронированные пластины разошлись веером, формируя сплошную стену. Края сегментов нахлёстывались, создавая чешуйчатую структуру, способную рассеивать удар.

На мгновение по кромкам щитов вспыхнула синяя плазменная дуга. Импульсный разряд, запитанный от мини-реактора в груди. Воздух наполнился запахом озона и горелого металла, а тени на стенах дрогнули — будто сама Свалка почувствовала: перед ней не просто машины. Перед ней — стена, которая умеет кусаться.

Разведчик взвизгнул — коротко, резко, с болью. Звук вышел человеческим, будто в его теле ещё жила память об ожоге нервов.

Он мгновенно отпрянул, лапы царапнули бетон, и, не сводя глаз с роботов, нырнул в узкую щель между стеной из кирпича и обшивкой из полимера — туда, где реальности срастались в рану. И исчез, как тень, проглоченная трещиной.

Тишина вернулась — но уже другая. Натянута. Ожидающая.

Роботы не опустили щиты сразу. Они стояли, мерцающая остаточным свечением, как стражи на посту. Только через пять секунд пластины с тихим скрежетом сложились обратно, уходя в корпус, превращаясь в часть брони.

Климов опустил пульт.

— Пошли, — сказал он, но голос звучал глухо, будто сквозь зубы. — Теперь они знают, куда мы идём.

Мы двинулись дальше.

Коридор расширился, превратился в огромное подземное депо. Перед нами открылось пространство, которое невозможно было объять взглядом. Десятки, сотни вагонов, локомотивов, платформ — всё здесь оказалось в беспорядке, как будто целый железнодорожный узел вырвали из земли и бросили в пропасть.

Старые советские электровозы соседствовали с футуристическими локомотивами, у которых вместо колёс — антигравитационные модули. Одни вагоны были ржавыми, другие — покрытыми ледяным инеем, словно только что прибыли с полярного маршрута. Третьи — будто сгорели изнутри, но не дотла: скелеты сидений, обугленные рамы окон, но не тронутые двери.

— Многие твари здесь — не просто плоть и инстинкт, — тихо сказал Климов, опуская пульт, будто боялся, что его звук привлечёт внимание. — Они учатся. Помнят. Адаптируются. Сначала — как звери. Потом — как охотники. А потом... — он не договорил, но взгляд скользнул по роботам. — Без этих «железяк»... если бы я шёл сейчас как по бульвару...

— Ты бы уже был мёртв, — сказал я.

— Ну да, — усмехнулся он. Уголки губ дрогнули, но лицо осталось каменным. — С таким эскортом можно пройти даже через Дикую Свалку. Здесь, где полно созданий из разных измерений — железо надёжнее плоти. И уж точно крепче надежды.

В этот момент сканер на его руке резко пискнул.

— Чёрт... — выдохнул он, и звук получился слишком громким для этой мертвой тишины.

— Что? — я шагнул ближе, но Климов резко вскинул руку, останавливая меня.

— Металлоорганика, — прошипел он, оглядываясь на стены ангара. — Она тут везде. В стенах. В полу. Даже в обшивке этих вагонов. Она ждёт, пока не почувствует тепло. Пока не услышит дыхание.

Он вдруг сжал кулак и ударил себя по лбу, глухо, сквозь ткань перчатки.

— Идиот! Стоило сказать «безопасно» — и сразу... — он осёкся, но мы все поняли. Сглазил.

Из-за стены, из самой тени, что-то тихо заскреблось. Сухой металл о металл. Или кость о кость.

Климов замер, медленно полез в разгрузку. Достал маску. Специализированную. Компактную, с двумя клапанами и матовым фильтром, похожим на застывший графит. Быстро надел свою, проверил герметичность резким вдохом. Извлек вторую — запасную. Протянул мне.

Резина была холодной, пахла химией и старостью.

— Дыхание — поверхностное. Редкое. Словно вы — тени, — голос Климова из-под маски звучал глухо, металлически. — Механизм игнорирует угрозу. Реагирует на жизнь. Тепло. Выдох. Звук. Избыток активности спровоцирует пробуждение.

Он кивнул на маску в моей руке.

— Одна на двоих. Пять шагов — вдох. Затем — передача.

Я принял маску. Она оказалась весомее, чем обычные противогазы.

— Притаимся — пройдем? — спросил я, и собственный голос показался мне грохотом.

— Слово вслух — пробуждение, — отрезал Климов. — Глубокий вдох без фильтра — сигнал. Организм трансформирует материю. Собирает. Переписывает. Превращает металл и плоть в оружие. Свидетельств достаточно.

— Дыхание по очереди? — Аня скрестила руки, её взгляд скользнул по рядам спящих вагонов.

— Именно, — кивнул Климов. — Держитесь центра колонны. Избегайте контакта. Органика реагирует на внимание. Воспринимает его как угрозу. Или как пищу.

Движение продолжилось.

Я надел маску. Резина плотно обжала лицо, отрезая запахи ржавчины и гнили. Вдохнул. Воздух был сухим, холодным, но безопасным.

Раз, два, три, четыре, пять.

Шаги отдавались в ушах гулко. Я чувствовал спиной взгляд Ани. На пятом шаге остановился. Снял маску. Передал ей.

Аня надела её жадно. Я видел, как расширились её ноздри, ловя очищенный воздух. Она сделала два коротких вдоха.

Раз, два, три, четыре, пять.

Снова обмен.

С каждым циклом лёгкие начинали гореть сильнее. Когда маска была у меня, я боялся выдохнуть лишнее. Когда у Ани — боялся, что она не успеет. Мы двигались в ритме чужого сердца, зажатые между рядами спящих монстров. Вагоны нависали сверху, как гробы. Металл казался тёплым. Живым.

Очередь была моей. Я надел маску, сделал глубокий, спасительный вдох. Аня стояла рядом, грудь её была неподвижна. Она сэкономила кислород. Её лицо побледнело, под глазами залегли тени, но взгляд оставался жёстким.

Я сделал шаг. Второй.

Аня двинулась следом. Без маски. Она держала воздух в себе, как драгоценность.

Третий шаг.

Четвёртый.

Пол под ногами изменился. Гладкий металл сменился чем-то губчатым. Аня не увидела — свет фонаря выхватывал только верхнюю часть вагонов, а под ногами была тьма.

Её нога угодила в *живое*.

Под подошвой что-то лопнуло. Что-то влажное и мягкое, словно раздавили гигантский нерв, проложенный под полом.

Аня дёрнулась. Потеряла равновесие.

Инстинкт сработал быстрее разума.

Она вскрикнула — коротко, резко.

И вдохнула.

— Нет! — выдохнул Климов из-за маски, но было поздно.

Звук её вдоха повис в воздухе, как выстрел.

Тишина лопнула.

Перед нами, в свете прожекторов и луча фонаря от винтовки, ближайший локомотив вздрогнул.

Когда он шевельнулся, стало ясно: это не машина.

Из-под бронированных кожухов вытянулись гибкие, мясистые конечности — с костями, проводами и гидравлическими суставами.

А потом — верхняя часть корпуса разверзлась.

Огромная пасть, разинутая во всю ширину локомотива.

Ряды зубов — из ржавого металла и осколков костей.

Изнутри — бульканье, будто кипит кислота.

Глаза по бокам — разные: человеческие, кошачьи, механические — все смотрели на нас, полные голода.

— Оно живое, — прошептала Аня.

Локомотив заревел — гудок, перемешанный с человеческим криком.

Роботы мгновенно заняли оборонительную позицию: двое резко подняли левые руки — и их наручные модули раскрылись в широкие щиты почти метр на метр, образуя сплошную стену. Это был режим «массовой защиты» — чтобы прикрыть нас целиком, даже ценой прочности. Остальные направили оружие на тварь.

Климов не колебался.

— Щиты вперёд! Огонь на поражение! — скомандовал он, падая на одно колено и вскидывая винтовку.

Роботы мгновенно открыли огонь.

Энергетические лучи врезались в бока монстра, но тот лишь содрогнулся — его броня вросла в плоть, стала единым целым. Удары лишь высекали искры.

Локомотив, до этого лишь слабо шевелящийся, оперся на свои уродливые ноги.

Сначала дрогнули колёса, покрытые не ржавчиной, а коркой чёрной, почти стекловидной ткани. Потом — корпус. Старая обшивка лопнула по швам, и из-под неё хлынула кровь, густая и тёмная, смешанная с маслом и искрами.

С громким треском отвалились куски рельсов, прилипшие к нижней части корпуса — не просто металл, а сплав плоти и стали: здесь торчал позвонок, там — обломок шестерни, обвитый сухожилиями. Всё это падало на пол с глухим шлепком, оставляя за собой след из слизи и искрящихся капель.

А под ним, там, где раньше был колёсный узел, открылся рубец.

Огромный, пульсирующий, будто рана, которая так и не зажила, а превратилась в орган. Он дышал — медленно, ритмично, с каждым сокращением выталкивая из себя пар и запах горелого мяса. Из глубины рубца мелькнули провода, опутанные венами, и кости, вросшие в шасси.

— Огибайте! Цель — швы! — крикнул Климов, уже вскидывая винтовку.

Снаряд пробил корпус, оставив дымящуюся воронку.

Из неё хлынула не кровь — жидкий металл, кипящий и шипящий, как раскалённый сплав.

Но монстр уже двигался. Из глубины разверзшейся пасти вырвался длинный, гибкий язык — покрытый вязкой слизью и острыми металлическими шипами. Он ударил точно в грудь ближайшего робота, обвился вокруг корпуса и рванул назад. Металл закрипел, и машина исчезла в кипящей темноте глотки. Второй робот попытался отступить — не успел. Язык метнулся снова, хлестнул как кнут, сжал жертву и втянул внутрь, словно ничего и не было.

— Чтоб тебя... — выдохнул Климов и тут же подал роботам новый приказ: — Двигаться! Не давать зафиксировать!

Остальные роботы разделились — двое ушли вправо, трое влево, четвёртый начал маневрировать по центру, маня на себя внимание. Климов стрелял короткими, точными ударами — старался держать тварь в напряжении. Но монстр был быстрее. Он вытянул хвост — полужидкий, частично из стали, частично из позвоночника — и метнул им в группу роботов. Щит одного треснул, второй отлетел в сторону, но уцелел.

Аня вдруг рванулась вперёд.

— Ань, нет! — крикнул я, но она уже была в движении.

Она не ждала приказа. Не смотрела на Климова. Просто знала: если не вмешаться — роботы падут один за другим.

— Артём! — бросила она через плечо. — Правый фланг! Я — по центру!

Я кивнул — и в следующий миг уже стоял у правого борта монстра.

Климов мельком взглянул на нас. В его глазах плеснуло неприкрытое изумление — такое бывает, когда видишь воскресшего мертвеца. Он заметил светящиеся следы на наших руках,

заметил, как воздух вокруг нас искажается от напряжения. На долю секунды он замер, будто хотел что-то спросить, потребовать объяснений. Но инстинкт выжившего сработал быстрее любопытства. Реальность боя не давала времени на удивление.

— Теперь! — крикнула Аня.

Она рубанула «лезвием» — резким, точным движением — по основанию ноги.

Плоть и металл затрещали, как старое дерево.

Монстр покачнулся.

Я сосредоточил Силу в ладони — не на полную, а ровно столько, сколько нужно — и метнул «прокол» в шов между грудной клеткой и бронёй.

Удар прошёл насквозь.

Тварь вздрогнула — и на миг замерла.

— Огонь! — гаркнул Климов, перекрывая скрежет металла. — Пока оно оглушено!

Он просто видел: монстр ослаб. А кто мы такие и откуда у нас такие способности — можно будет спросить потом, если останемся живы.

Роботы этим воспользовались.

Трое открыли плотный огонь по уязвимым стыкам.

— Добивай! — крикнул я Ане.

Она кивнула — и в этот раз ударила двумя «лезвиями» сразу: по шее и по основанию черепа.

Я добавил второй «прокол» — в тот же узел.

Изнутри монстра что-то хрустнуло.

Плоть потемнела.

Металл закипел.

Глаза — один за другим — погасли.

Тело рухнуло, как выключенное устройство.

Просто рассыпалось: плоть на лоскуты, металл на обломки.

Тишина.

Климов медленно опустил винтовку.

Он оглядел поле боя — мёртвого локомотива, двух уничтоженных роботов...

И нас — стоящих рядом, словно ничего не произошло.

— Что... вы сделали? — выдавил он, переводя взгляд с Ани на меня.

— Помогли, — спокойно ответил я.

Он молчал. Взгляд прыгал с нас на роботов, потом обратно.

— Вы... вы не гражданские...

— Мы — выжившие, — перебила Аня, устало опуская руки. — Просто умеем держать удар.

Климов долго смотрел на нас.

Ни подозрения, ни недоверия.

Только недоумение — человека, увидевшего невозможное, но не находящего объяснения.

Потом он перевёл дыхание и кивнул роботам:

— Осмотр состояния. Потери — два. Остальные — в строй.

Шесть роботов молча заняли позиции.

— Отдыхать некогда, — Климов резко выпрямился, игнорируя вопросы о нашей природе. — Быстро за мной.

Мы не успели собраться — он уже развернулся и побежал дальше. Роботы мгновенно выстроились в боевой порядок, щиты встали наготове. Я обменялся взглядом с Аней — и мы бросились следом.

Только теперь я почувствовал: всё изменилось.

Пол под ногами лёгкой дрожью передавал пульс. Где-то внизу, глубоко, что-то просыпалось. Что-то, похожее на сердцебиение. Медленное, но мощное. С каждым ударом напряжение в воздухе становилось плотнее. Лампы начали мерцать. Провода на стенах дрогнули, будто внутри них пробежал ток, которого не должно быть. Даже роботы, обычно бесшумные, защёлкали шарнирами, будто их внутренние системы тоже реагировали на чужой ритм.

— Что происходит? — крикнул я, едва поспевая за Климовым.

— Не знаю, — бросил он через плечо, сохраняя темп. — Но это место раньше так себя не вело. Когда-то оно было мёртвым. Теперь — живёт. И если оно проснётся, когда мы здесь — нам не выжить.

— Как это — живёт? — спросила Аня, скользнув рукой по стене. Её пальцы на миг вспыхнули красным, будто проверяя тепло. — Здесь же нет никого, кроме нас!

— Нет, — резко сказал Климов. — Здесь есть что-то, что мы не можем видеть. Что не хотим видеть. Оно ниже. Гораздо ниже. И сейчас оно чувствует нас. Чувствует вас.

Он обернулся на секунду, и во взгляде мелькнуло нечто большее, чем удивление. Подозрение. И страх.

Через десять метров мы оказались у старого перехода — не тоннеля, а скорее трубы, проложенной между двумя фрагментами миров. Она была низкой, обвитой проводами, покрыта странным конденсатом, который светился в темноте бледно-зелёным. Климов первым полез внутрь, остальные — за ним. Мы протиснулись вслед за роботами, едва не задевая потолок. Внутри — холод, влага, и запах железа, будто кто-то давно истекал кровью в этом месте.

На выходе нас ждало относительно безопасное помещение — длинный ангар, где стены были ровными, а освещение работало без помех. Пол здесь был уложен плиткой, по краям — ряды деревянных ящичков, закреплённых болтами. Ни следов крови, ни трещин. Только тишина. И воздух, в котором больше не вибрировала неведомая угроза.

— Вот, — выдохнул Климов, опускаясь на одно колено. — Здесь можно остановиться. На пару минут.

Он оглядел нас. Его лицо было серьёзным, почти угрюмым.

— Хватит игр, — сказал он, глядя прямо на меня. — Я не знаю, кто вы такие. Но то, что я только что видел — невозможно для людей.

— Мы и есть люди, — начала Аня, но он перебил:

— Я видел биоников. Видел тех, кого модифицировали до предела. Но они двигаются по расписанию. По коду. У них есть логика. А вы... вы действуете, как будто знаете, как работает реальность. Как будто видите её насквозь.

Он замолчал, переводя дух. Потом добавил:

— Либо вы говорите мне правду — кто вы, откуда, и почему можете делать то, что делаете — либо дальше я иду один. А вы — сами. Без моих роботов. Без карты. Без доступа к Союзу. Хотите — ищите свой путь.

Я посмотрел на Аню. Она кивнула — почти незаметно. Значит, пора.

— Тогда слушай, — сказал я. — Мы не бионики. Мы не машины. Мы — носители Силы. Как ты сам говоришь, таких в Союзе нет. Таких вообще быть не должно. Но мы — исключение.

Климов нахмурился, его взгляд стал острым, будто он пытался прочесть между строк, найти подвох в самом воздухе, что мы выдыхаем.

— Сила?.. Это ведь не про мускулы. Что у вас за Сила?

Климов говорил тихо, почти шёпотом, но в его интонации читался не страх — а напряжённый, почти научный интерес. Как будто перед ним не люди, а загадка, которую он не может разгадать ни картами, ни датчиками.

Я переглянулся с Аней. Она кивнула — коротко, без колебаний. Значит, пора говорить правду.

— Это не мускулы, — сказал я. — Это не техника и не модификация. Это... как дыхание. Только внутреннее. Мы ею дышим.

— Сперва это было слабым, — добавила Аня, — почти незаметным. Как внутреннее напряжение, когда боишься или злишься. Но потом... потом её начали в нас насильно развивать. Учили бить, защищаться, лечить... использовать как оружие.

— И как вы это делаете? — спросил Климов, не отводя взгляда.

Я поднял руку. Над ладонью повисла тишина — и вдруг воздух сжался, будто его кто-то сдавил невидимыми пальцами. Через мгновение — резкий щелчок. На стене, справа от Климова, осталась ровная, гладкая дыра, будто бетон просто испарился в радиусе десяти сантиметров.

— Это «прокол», — сказал я. — Чистый импульс. Проникает сквозь любую плоть, почти любую броню. Главное — не махать руками, а направлять. Мыслью. Болью. Яростью.

Климов медленно подошёл к дыре, коснулся края пальцами. Тот был не тёплым, а холодным, вопреки ожиданию — будто его обработали лазером в вакууме.

— А это — «рубящее лезвие», — сказала Аня.

Она осталась на месте. Просто взмахнула ладонью — и воздух разрезался. В углу комнаты, где стоял металлический ящик, тот рассёкся пополам, как будто его перерезали гигантским ножом. Срезы были идеально ровными, без заусенцев, без искр.

— Оружие без оружия, — выдохнул Климов.

— Скорее инструмент, — ответил я. — Это не только атака. Мы можем защищаться. Вот так.

Я выставил ладони вперёд — и перед нами возник прозрачный щит, мерцающий, как вода под луной. Он искажал свет, будто был слоем сжатого воздуха.

— «Силовая стена» — если коротко. Останавливает пули, взрывные волны, даже прыжок мутанта с разбега. Но держать её долго — как бежать спринт на выдохе. Выматывает.

— А ещё... — Аня на мгновение замолчала, будто собираясь с мыслями, — мы можем лечить. Иначе, чем медики. Не сшивать раны. А... заставлять тело восстанавливаться. Изнутри. Силой. Если не убить мозг сразу — мы вытащим любого из комы. Даже если сердце остановилось.

— То есть вы... бессмертны? — Климов наконец оторвал взгляд от щита.

— Нет, — ответила Аня. — Мы живые. И умираем, как все. Сколько сможем прожить... кто знает. Тот же Разин жил сотни лет.

При упоминании Разина её интонация дала трещину. Я положил руку на её плечо — скорее как тихое напоминание: мы вместе. Даже в этом.

— Разин... — повторил Климов задумчиво, мельком глянув на мигнувший индикатор у запястья. — Кто он? У меня адаптивный сенсор уловил опасность от одного произношения его имени.

— Он — создатель всего этого. Машины времени. Лаборатории. Нас. Он пытался сделать из нас батарейки. Инструменты. Но мы... мы вышли из-под контроля.

Климов молча смотрел на нас. Недоверие исчезло. Осталось только осознание — медленное, тяжёлое, словно он впервые за всю свою жизнь разведчика столкнулся не с аномалией, а с чем-то... фундаментальным.

— Вы не нарушаете законы физики, — сказал он наконец. — Вы — её продолжение.

— Мы — исключение, — повторил я. — Но, возможно, не единственное.

Климов долго смотрел на нас. Без оценки. Без угрозы. Как на загадку, которую он уже где-то слышал.

И вдруг — во взгляде мелькнуло узнавание.

— Есть слухи... — начал он медленно, будто вытягивая воспоминание из глубины. — Про людей, что приходят снизу. Из тех уровней, куда даже наши лучшие отряды не возвращаются. Говорят, они не едят. Не спят. Говорят, их тела светятся в темноте, а глаза видят сквозь время. Называют их «Нулевые». Но... — он сделал паузу, — они тоже управляли Силой. Так же, как вы.

Он перевёл взгляд с меня на Аню — и впервые за всё время не оценивал, а сопоставлял.

— Я не из тех, кто сдаёт людей только за то, что они не вписываются в протоколы, — наконец произнёс он, глядя прямо в глаза. — Здесь столько странного, что бояться «необычного» — всё равно что пугаться собственной тени. Главное — вы не враги. А если однажды станете... — он пожал плечами, — тогда уж точно не я первый встану у вас на пути.

— Мы не станем, — твёрдо сказала Аня. — Мы не хотим войны ни с Союзом, ни с кем бы то ни было. Нам нужно одно: выбраться. Не просто из этого коридора, а из всей этой ловушки реальностей.

Климов медленно кивнул.

Настороженность исчезла. Осталось только глубокое понимание — не доверие, нет. Но признание: эти двое не лгут.

— Тогда идёте, — сказал он, поворачиваясь к коридору. — Чем дольше стоим на месте, тем выше шанс, что следующий поворот станет для кого-то последним.

Он бросил через плечо, уже с лёгкой, почти человеческой усмешкой:

— А мне, если честно, очень хочется дожить до завтра.

Разин действовал размеренно.

Он знал: в Новом Рейхе сила — повод для тотального дознания. Особенно если тебя принимают по личному распоряжению Обергруппенфюрера. Поэтому он скрывал Силу. В казарме, в спорах. Даже когда сосед по бараку — бывший штурмовик из Берлина — пытался «проверить на прочность» новичка, которого фюрер лично велел называть «доктором Хартманн».

Разин лишь улыбнулся — той самой улыбкой, что заставляла даже самых жестоких людей сомневаться в собственной правоте. А потом — мягко, почти ласково — объяснил, почему этот «проверяющий» на самом деле боится. Боится, что его знания устарели. Что его место займут. Что его, в отличие от доктора, никто не привёл сюда по личному приказу.

Через три дня штурмовик ушёл на переподготовку.

Через неделю — был переведён в тыл.

Добровольно.

Так Разин обживался в Рейхе.

Словом. Взглядом. Паузой перед ответом.

Он слушал. Внимательно.

В казарме — шёпот о «светящихся тварях» из Дикой Свалки.

В столовой — рассказы разведчиков о «стенах, которые пьют звук».

В штабе — споры офицеров о «секторах, где время течёт вспять».

Особенно его заинтересовала история про Великое Солнце.

Сначала — шёпот в лагерной курилке.

Потом — записка, переданная через техника с нижнего уровня.

А через цикл — целый доклад, украденный из архива рейховской разведки.

Согласно ему, в глубинах Свалки существует место, где «гравитация рождается заново», а «время сплетается в узлы». Там, якобы, живёт небольшая группа людей, способных разрезать

сталь взглядом и исцелять смертельные раны. Они называют себя «носителями», а их бог — Великое Солнце.

Разин усмехнулся.

Это не бог.

Это — Основа.

Точка, через которую мир дышит.

И если она существует... значит, выход возможен.

Он не делился ни с кем своими мыслями.

Вместо этого он выбрал цель: майора Круппу, офицера-аналитика, человека, к которому даже Обергруппенфюрер прислушивался в вопросах геофизики и хронодинамики.

Разин подошёл к нему в столовой, будто между делом:

— Слушай, Круппа... а ты проверял, не совпадают ли координаты прорыва с моим появлением?

Майор оторвался от планшета:

— Твой сбой? Да, фиксировали. Всплеск когерентности длился 0.3 секунды. Без следов массы. Только искажение метрики.

— А теперь сравни с данными из сектора Ω -9.

Круппа нахмурился, сверил графики — и замер.

— Чёрт... Тот же паттерн. Только в стационарном режиме. Пульсация. Как будто... кто-то дышит.

— Именно, — кивнул Разин, изучая данные. — А если гравитационный якорь существует, он должен быть привязан к первому сбою в этой зоне. К тому месту, откуда меня выбросило.

Вслух он произнёс иное:

— Это связь.

Через два дня майор Круппа доложил Обергруппенфюреру:

— Хартманн считает, что источник гравитации связан с его точкой входа. Я проверил архивы — он прав: в тот момент был всплеск когерентности. Предлагаю отправить разведку.

Инженер-фюрер молча сверился с данными. Потом кивнул:

— Дайте ему доступ к разведке в сектор Ω -9.

Разин получил желаемое.

Он заставил врага убедить самого себя — через доверенного посредника.

Но разведотряд вернулся через цикл — с пустыми руками.

— Ничего, — сказал Разин, выслушав доклад спокойно. — Просто мы опоздали. Или... пришли слишком рано.

Он ушёл в свою комнату и начал пересчитывать всё заново.

Смещение фаз. Цикличность присоединения фрагментов. Записи сейсмографов. Гравиметрические аномалии. Временные метки входа каждого фрагмента в Свалку.

И тогда он увидел то, что ускользало от всех.

Его выбросило раньше, чем саму лабораторию.

Машина времени разорвала пространство, но фрагмент с установкой попадет в Свалку с задержкой — ровно на девять циклов.

Девять циклов. Почти семь недель по меркам Свалки.

Разин откинулся на спинку кресла.

Теперь всё становилось на свои места.

Через час после падения Локомотива-Пожирателя тьма в коридоре шевельнулась.

Из мрака медленно проявились тонкие механические щупальца, заканчивающиеся острыми шипами. Они не издавали звука. Металл касался металла без звона, будто смазанный маслом. Одно щупальце коснулось рельсы. Замерло. Вибрация прошла по нему, уходя обратно в черноту тоннеля.

Существо не показывалось из тени полностью.

Оно прошло вдоль стены, не касаясь пола. Шипы на концах щупалец дрогнули, улавливая остаточное тепло. Оно не спешило. Оно оценивало. Хищник, который знает: добыча никуда не денется.

Одно из щупалец потянулось к обгоревшему корпусу локомотива. Коснулось оплавленной брони. Замерло на секунду.

Нашло то, что искало. Или не нашло.

Щупальца дернулись — коротко, резко.

Одно — коснулось куска обугленной плоти, дымящейся слабым паром.

Второе — обломка бронепластины робота, расплавленного от внутреннего импульса.

Третье — пятна на полу, где металл и кость сплелись в кристаллическую сетку, отличную от любых известных реакций.

Анализ.

Внутри существа — миллиарды нанитов перебирали данные:

— Термический след: отличный от плазменного или химического.

— Энергетический профиль: биологический источник с когерентной направленностью.

— Структура повреждений: точечное разрушение на молекулярном уровне.

Чуждо арсеналу Союза и технологиям Рейха.

Новый тип угрозы. Подлежит изучению для выработки противодействия.

Манипуляторы дрогнули.

Из корпуса вырвался тонкий импульс — квантово-запутанная волна, мгновенно достигшая остальных единиц в секторе.

Сообщение было простым:

Цель подтверждена.

Две единицы.

Новый тип угрозы.

Траектория: направление КСП-28.

Захват. Доставка. Сохранение жизни.

Существо развернулось. Конечности бесшумно перебирали поверхность, сохраняя плавность хода.

Но перед уходом одно из щупалец коснулось куска плоти Локомотива-Пожирателя — и втянул в себя микроскопический фрагмент.

Для памяти.

Для предупреждения других.

Тьма сомкнулась.

Теперь у неё была цель.

Глава 3. Блокпост

Коридор вновь резко сменил облик — будто мы переступили через невидимую границу между эпохами. Провода, бежавшие по потолку, обрывались в воздухе, будто их аккуратно среза́ли ножницами. Прямоугольные металлические плиты пола уступили место грубому деревянному настилу — щели, сучки, запах старой древесины. А вместо привычных ламп над головой теперь мерцали крошечные сферы — не больше грецкого ореха, — из которых лился яркий, почти дневной свет, не оставляющий теней.

Я замедлил шаг, чтобы рассмотреть линию стыка — ту самую, где два мира срастались на атомном уровне. Но роботы не останавливались. Их марш продолжался, будто эта граница для них не имела никакого значения.

— Все новые жители удивляются, — Климов, не оборачиваясь, словно чувствовал моё замешательство. — Как могут так соединяться разные времена и миры. Но даже учёные, прожившие здесь десятки лет, бессильны объяснить механизм. А когда наука молчит... появляется религия.

Мы свернули за очередной поворот — и уперлись в тупик. Пустая стена из серого бетона, покрытая трещинами и пятнами ржавчины. Ни дверей, ни люков.

Роботы остановились в двух метрах от неё.

— Вот мы и на месте, — Климов шагнул вперёд, между двумя «железками». — Внешний блокпост. Пока я разберусь с делами, вы отдохнёте.

Он несколько раз коснулся пульта на запястье. Из динамика раздался голос:

— Т8, на связи.

— Климов, код семь-шесть-ноль-окта-три.

— Принято. Шлюз открываю.

Я подошёл ближе, ожидая увидеть механизм. Но двери не было. Пространство завибрировало. Низкое гудение, будто в стене проснулся трансформатор. И стена... растворилась. Словно дым на ветру.

Как только проём сформировался, роботы двинулись вперёд. За невидимой преградой нас уже ждали двое охранников — в тяжёлых бронированных костюмах, с громоздкими винтовками наперевес. Они с интересом проводили взглядом колонну «железяк», но застыли неподвижно. Лишь когда мы перешли границу, гудение стихло — и позади нас вновь выросла стена.

Слева из бокового прохода вышел мужчина в таком же бронекостюме, но с открытым лицом. Загорелое, с глубокими морщинами у глаз, будто он привык щуриться на солнце... хотя под землёй его не было.

— О, Димон, сегодня ты? — Климов хлопнул его по плечу.

— Здорова. Увидел, кого ведёшь — сразу сюда.

— Это мои спутники, — Климов кивнул в нашу сторону. — Гражданские.

Охранник внимательно осмотрел нас. Оценка скользнула по нашей одежде, отсутствию брони, пустым рукам.

— Гражданские? — он хмыкнул, доброжелательно. — Без нанитов? Без страховки? Ты же знаешь правила, Лёша. Сюда без регистрации — ни шагу.

— Знаю, — отрезал Климов. — Они под моей ответственностью. Из зоны выброса. Еле ноги унесли.

Мужчина помолчал, взвешивая риск. Потом махнул рукой:

— Ладно. Под твою подпись. Но в город — только с сопровождением. — Он перевёл взгляд на нас. — Имена?

— Аня.

— Артём, — я кивнул.

— Что ж, добро пожаловать на восьмой блокпост Союза. Сейчас подойдёт Михаил, проводит вас в комнату отдыха. Подождёте там.

Он быстро переключил что-то на пульте и включил рацию:

— Миш, у нас новые гражданские у второй двери. Проводи до комнаты отдыха.

— Слушай, Дим, — Климов отвёл мужчину в сторону, — сколько сейчас дают за неполный отряд «тридцатых»?

Они отошли, и разговор быстро перешёл на шёпот — особенно когда речь зашла о «ценности роботов».

Через минуту к нам подошёл другой мужчина — в замасленной робе, с тряпкой в руке и усталым, но добродушным лицом.

— Здорова, народ. Вы тут гражданские? Пошли.

Он опередил ответ — просто развернулся и пошёл вперёд.

Мы последовали за ним. Коридор сначала напоминал цех: по бокам — тёмные проходы, заваленные ящиками и обломками техники. Но через пару поворотов воздух изменился: стал влажным, с привкусом ила и ароматом живой воды.

— Сюда, — бросил Михаил, поворачивая в арочный проём.

Перед нами открылся просторный зал — не склад и не казарма, а нечто большее. Пол здесь был выложен крупной бетонной плиткой, местами покрытой зелёной плесенью. А по центру — гигантский искусственный пруд, сооружённый из старых резервуаров и перепрофилированных фрагментов подземных хранилищ.

Вода в нём была мутной, с зеленоватым отливом, но проточной — по краям мягко журчали переливные желоба, направляя поток через фильтры из гравия и активированного угля. Над поверхностью висела лёгкая дымка — скорее испарение от подогревающих кабелей, уложенных вдоль дна: с ними рыба выживала даже в таких глубинах.

— Это наш «водный дворец», — сказал Михаил, останавливаясь и с гордостью обводя рукой всё пространство. — Бывший резервуар для технической воды. Теперь — форелевый пруд. А ещё — карась, осётр, даже сиг — его занесло из северного мира, где реки не замерзают.

Мы с Аней подошли ближе. По водной глади скользили тени — крупные, уверенные. Иногда одна из рыб выпрыгивала на мгновение, оставляя за собой всплеск и дрожащий след на поверхности.

— Сколько тут рыбы? — спросила Аня, с открытым удивлением.

— В прошлом цикле — три тонны, — ответил Михаил, и в интонации появилась та простая, земная гордость, что редко встречается в Дикой Свалке. — Это не просто еда. Это — стабильность. Там, где есть свежая рыба, люди не сходят с ума от консервов и синтетической каши.

Он указал на систему аэрации — сложные системы, а не примитивные компрессоры: тонкие прозрачные трубки, из которых в воду подавался кислород в виде миллиона мельчайших пузырьков.

— Без этого — задохнулись бы. А так — растут, как в родной реке. В безопасности от медведей и браконьеров.

— Вы сами всё это настроили? — спросил я.

— Почти. Помогали инженеры из Технограда. А идею — мой дед подкинул. Он ещё в старом мире рыбаком был. Говорил: «Где вода живая — там и человек живёт». Так и оказалось.

Он кивнул в сторону дальнего конца зала, где в углу мерцало несколько экранов — датчики температуры, кислорода, уровня аммиака.

— Идем, Виктория уже наверняка заждалась. У неё тут строгий режим: «Грязь — вне пекарни. Чистота — вне канализации».

Он усмехнулся, и мы двинулись дальше.

Впереди пространство внезапно расширилось, открывая вид на гигантское помещение, затерянное в полумраке. Но посреди этой тьмы, освещённое светом из нескольких... окон, возвышалось высотное здание. Современное, с гладкими фасадами и стеклянными панелями — чужеродное в этом подземном лабиринте.

От нашего коридора к нему вёл узкий мост, сваренный из ржавых металлических балок.

— Необычное зрелище, а? — Михаил усмехнулся, заметив наше выражение лиц. — Таких зданий всего два в Союзе. Это — следствие строительства установок на поверхности.

— То есть... вас вырезало сферой и перенесло сюда? — спросил я, осторожно выглянув за перила, чтобы понять, на чём вообще стоит этот небоскрёб.

— Именно так. При сбое вырезает сферу пространства — обычно по тридцать метров в радиусе — и сбрасывает сюда. Прямо в Свалку.

— А вы пытались ли... запустить машину времени заново? Чтобы вас выкинуло обратно?

Михаил засмеялся — искренне, будто я только что рассказал самый смешной анекдот за последние десять циклов.

— Новенькие, — покачал он головой. — Что сказать... Я здесь живу с юности. По-вашему — почти двадцать лет. За это время столько народу пыталось выбраться... Попытки оставались тщетными.

Мы перешли мост и оказались внутри здания. Масштаб и остатки оборудования указывали на крупный исследовательский комплекс. Внутри — странное сочетание: футуристичная отделка — гладкие стены со встроенными светильниками, двери без ручек — и следы запустения: пыль в углах, потрескавшиеся панели, вырванные из стен провода.

Михаил повёл нас вниз по лестнице.

Каждый шаг погружал глубже. И одновременно — прочь. Прочь от обломков машин времени, от фашистских штурмовиков, от пульсирующих трещин реальности, где плоть срастается с металлом, а звуки прошлого шепчут в стенах.

И когда мы ступили на нижний этаж, воздух изменился.

Свежестью здесь не пахло. Подземелье диктовало свои условия. Но воздух стал спокойным. Как будто здесь, в этом зале, сама Свалка решила сделать передышку.

Этаж ниже производил совершенно иное впечатление: чисто, светло, уютно.

Большой зал, обставленный как общая комната: два дивана с мягкими подушками, массивный деревянный стол, покрытый следами ножей и чашек, кухонный гарнитур вдоль стены — потёртый, живой: с вытертой ручкой у шкафчиков, вмятинами от горячих кастрюль и запахом старой древесины под лаком.

На стенах — вместо боевых карт и схем тревожных выходов — обычная посуда, развешанная на крючках: кружки с трещинами, сковородки с облупившейся эмалью, чайник с отбитым носиком.

У раковины стояла женщина лет сорока. Спиной к нам. На ней — простой выцветший халат, поверх — чистый фартук, туго завязанный узлом на поясице. Короткие волосы собраны в небрежный пучок, откуда выбивались седые пряди. Она методично мыла посуду — размеренно, будто времени у неё было в избытке.

Именно это — избыток времени — поразило нас больше всего.

Раньше для нас была ценна каждая секунда. А здесь... здесь кто-то спокойно моет чашку, будто стены обладают прочностью, а из щелей не выползают твари с человеческим глазом.

— Даже не думай садиться в этой грязной робе, — сказала она, продолжая работу. Интонация тёплая, но твёрдая, как у человека, привыкшего, что его слушают.

— Вик, у нас тут гости, — смущённо бросил Михаил и сразу начал пятиться к двери.

Женщина повернулась. Вытерла мокрые руки о фартук.

— Правда? — спросила она с искренним интересом.

— Дима велел привести их сюда, пусть подождут. Знакомьтесь — Виктория, заведующая столовой. Всё, я пошёл! — И, оставив нас на её попечение, Михаил развернулся и почти побежал прочь.

— Вот негодник, — фыркнула Виктория, глядя ему вслед. — Как поесть чего вкусного — так он тут как тут. А как убраться — сразу «дела».

Она перевела внимание на нас — и вдруг смягчилась, будто увидела людей, а не беглецов.

— Ой, да что с вами случилось-то? — спросила она, подходя ближе. — Выглядите так, будто сквозь ад прошли.

— Так и есть, — усмехнулся я, и впервые за несколько дней это прозвучало правдой.

— Обойдусь без подробностей, — добавил я, сам того не замечая, опускаясь на край дивана.

Я сел. Просто сел. Тело само решило: можно. Аня выдохнула — звук получился долгим, дрожащим — и опустилась рядом.

— Ну уж нет, так не пойдёт, — решительно сказала Виктория. — Сидеть в таком виде — себе вредить. Сейчас сбегая в кладовку, подберу вам что-нибудь приличное.

Она быстро осмотрела нас — профессионально, будто прикидывала не рост и ширину плеч, а степень измождения. Потом без лишних слов вышла.

— Да уж, потрепало нас... — Я потянул рукав, и тот тут же расплзся по шву, обнажив свежую царапину.

— И не говори, — Аня с надеждой огляделась. — Хоть бы душ тут найти. Хоть с ледяной водой.

Она замолчала.

В тишине я вдруг поймал себя на мысли: мы расслабились. Плечи опустились. Пальцы разжались. Я перестал считать секунды до побега. Перестал сканировать тени в углах. Здесь, за тонкими стенами из бетона, мы впервые позволили себе забыть об опасности.

Перестали ждать, что в любой момент дверь распахнётся, и в проёме возникнет мёртвый офицер с чёрной свастикой на плече.

И в этом мгновении — между развалившейся курткой и надеждой на душ — мы стали почти... обычными людьми.

— Интересно, сколько прошло времени с тех пор, как мы сбежали? — спросила она, закрыв глаза.

— Меньше суток. Хотя, по ощущениям — целая неделя. Часов-то с собой нет.

Из-за лестницы донёсся лёгкий свист — весёлый, почти мелодичный. Через минуту появился Климов. Он сиял — преимущественно от успеха с наградой за роботов.

— О, а где Вика? — весело крикнул он, оглядывая зал. — Где величайший повар всех времён и народов?

Я невольно улыбнулся. Его энергия будто заряжала воздух — после всего пережитого это было почти чудо.

— Ушла за одеждой. Сказала, что наша никуда не годится.

— Добрая душа, — одобрительно кивнул Климов. — Хотя в Светлом вам всё равно выдают комплект. У нас с этим порядок.

— А почему ваш город вообще так называется? — спросил я. — «Светлый» — звучит... странно для подземелья.

— Потому что там светлее всего, — с важным видом поднял он палец. — Это надо видеть.

— Да у вас и тут неплохо, — я кивнул на лампы. — Ровный белый свет.

— Это — просто лампочка, — фыркнул он. — А в Светлом... там другое.

Я уже собрался спросить, что же в этом «другом» такого особенного, но в этот момент вернулась Виктория. В руках — два аккуратных свёртка в прозрачной плёнке, похожей на упаковку для стерилизованного белья.

— Вот, подобрала по размеру, — сказала она, выкладывая комплекты перед нами.

Климов тут же расцвёл:

— Виктория, любовь моего желудка! Ждал с нетерпением. Как поживает лучший повар Союза и всех прилегающих народов?

— Уйди, льстец, с глаз долой, — отмахнулась она, но доброжелательно. — Дай гостей переодеть.

Мы развернули свёртки. Внутри — аккуратно сложенные брюки, футболка, свитер, лёгкая куртка из гладкого, необычного материала и даже... нижнее бельё в отдельной упаковке.

— Спасибо, — искренне поблагодарила Аня. — Но... простите, а можно где-нибудь помыться? Мы столько прошли, и надевать чистое... — она замялась, — ну, вы понимаете.

— Конечно, — кивнула Виктория. — Душ этажом ниже: спуститесь по лестнице, направо, третья дверь по коридору. Нагреватель опять не работает, так что вода холодная.

Она покачала головой, адресуя следующую фразу Климову:

— Михаилу починить — пара пустяков. Только пруд свой любит больше. Там и пропадает.

— Да сходите, — подхватил Климов. — Нам тут ещё долго ждать, пока с документами разберутся. Думаю, ночевать останемся.

Мы кивнули и направились к лестнице.

Нижний этаж был освещён слабее кухни, но света хватало, чтобы не споткнуться. Помещение явно приспособили под хозяйственные нужды: вдоль стен тянулись стеллажи с бельём, в углу гудели стиральные машины, а дальше начинался коридор с дверями душевых. В воздухе стояла влажность, насыщенная запахами шампуней, дешёвой химии и чего-то старого, похожего на сушёный лён.

— Чур, я первая! — Аня ускорила шаг и, уже у самой двери, обернулась с хитрой улыбкой. — Не подглядывай.

— Зря ты это сказала, — усмехнулся я. — Мне легко посмотреть сквозь стену.

— Знаю я твоё «зрение», — она уже толкнула дверь. — Ничего интересного не разглядишь.

И, показав язык, исчезла за дверью, захлопнув её с лёгким щелчком.

Я прислонился к косяку, сдерживая смех. Тот смех, что рождается, когда напряжение наконец отпускает, и ты вдруг вспоминаешь: я — человек, а механизм реакции остался в прошлом.

Давно со мной так не заигрывали.

Без «ловушек», без «проверок на слабость». Просто — легко. Почти по-детски. С вызовом, с улыбкой в интонации, с тем самым прищуром, что раньше появлялся только в моменты, когда мы молча делили страх или ярость.

Мы всегда были близки. Ближе, чем позволяют слова.

С самого побега из лаборатории я чувствовал её — не только мысли, но и пульсацию эмоций: как волны под кожей, как тёплый ток в венах. Мы слышали друг друга. Больше того — мы были друг другом, когда это было нужно. В бою — один разум, одна воля, один удар. В укрытии — одна боль, один страх, одно молчание.

Но до сих пор у нас отсутствовало место для обычного.

Ни флирта за чашкой кофе, ни глупых шуток про «подглядывание», ни этой дерзкой усмешки, когда она бросает вызов, зная: ты сохранишь молчание. Потому что просто смотришь и понимаешь: она здесь. Живая. Рядом.

И теперь — наконец-то — мы могли позволить себе быть кем угодно, кроме оружия, «носителей», угрозы для врага и загадки для союзников.

Мы могли быть просто... нами.

Парнем и девушкой.

С грязными руками, изодранной одеждой и воспоминаниями, от которых до сих пор бежали мурашки.

Но смеюшимися. Шутящими. Заигрывающими — по-настоящему. Без расчёта. Без страха, что за поворотом — пытка, ловушка или смерть.

И от этого становилось по-настоящему тепло.

Причина иная, чем симпатия — это было данностью, как дыхание.

Потому что мир всё ещё помнил, как быть миром.

Что после ада можно выжить и чувствовать.

Что даже здесь, где время срастается с плотью, а реальность штопают, как рваную рубашку, — остаётся место для чего-то простого.

За стеной зашумела вода. Потом — короткий вскрик. Аня, видимо, удивилась холоду.

Я позволил себе протянуть сознание сквозь стену. Ради чувства. Образ вышел размытым, словно сквозь матовое стекло, но я ощутил её дрожь. Вода действительно была ледяной.

— *Как водичка?* — мысль проскользнула сама, без усилия.

Ответ пришёл мгновенно — тёплый, живой, с оттенком игривого возмущения.

— *Ледяная. Ещё минута — и стану моржом.*

Я ухмыльнулся, убрал «зрение» и прислонился к косяку, ожидая.

Вскоре она вышла. От неё шёл лёгкий пар, а на лице застыло выражение блаженного облегчения. Я машинально замер с открытым ртом — и только осознал это, когда она усмехнулась.

— Что смотришь? — спросила она, подходя ближе. — Горячую девушку не испугать холодной водичкой.

И, чтобы подчеркнуть слова, нагрела указательный палец — до тех пор, пока тот не засветился тусклым красным, — и дотронулась до своих мокрых брюк. От прикосновения с шипением повалил пар.

— Эффектно, — признал я. — Но сквозь стену и правда ничего не разглядишь. Только силуэт.

Аня улыбнулась — мягко, без насмешки — и промолчала.

Я уже собрался идти в душ, как вдруг вспомнил про ледяную воду и поморщился.

— Давно хотел спросить... Как ты вообще управляешь таким теплом?

— Ты про «разжигание»? — Она пожала плечами. — Мне объясняли, что это индивидуальная особенность. А у тебя, вроде, «касание разрушения».

— В данный момент я бы не отказался от разжигания, — с улыбкой бросил я, глядя на пар, всё ещё поднимающийся от её одежды.

— Если сильно замёрзнешь, — донеслось уже после того, как я зашёл внутрь, — я тебя согрею. Но за ожоги ответственности не несу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.